

Колдовские *Миры*

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

Тропами вереска

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С90

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Суржевская, Марина.

С90 Тропами вереска / Марина Суржевская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-97035-3

За гнилыми болотами, в самой чаще леса живет ведьма. Лицо ее — ямы и рытвины, голос — воронье карканье, тело — не человеческое, не звериное. Рыщет ведьма по буеракам, жертву невинную ищет, чтобы впиться в глотку клыками, разодрать да крови напиться... А потом сплясать на останках в свете луны, с диким гиканьем да ухахатыванием.

Вот такие сказки рассказывают в наших краях. Страшные.

И еще рассказывают о ведунье, что стоит на страже Ворот, об искушающем ее демоне. О суженом, что найдет любимую, сколько бы лет ни минуло. О колесе времени, в котором все повторяется, да о любви вечной.

И что делать, если сказки не врут? И если каждая из них — обо мне.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97035-3

© Суржевская М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

За гнилыми болотами, в самой чаще леса, там, где не поет птица, где не ходит дикий зверь, живет ведьма. Лицо ее — ямы и рытвины, бородавки да мерзкая слизь от дел ее греховных. Голос — воронье карканье, что ни слово скажет, то жаба соскочит. Тело — хвостатое да рогатое, ни мужское, ни женское — звериное. Рыщет ведьма по лесам и болотам, жертву невинную ищет, чтобы впиться в глотку клыками, разодрать да крови напиться... А потом сплясать на останках в свете луны, с диким гиканьем да ухахатыванием...

Вот такие сказки рассказывают в наших краях. Страшные. И что делать, если сказки не врут? И если каждая из них — обо мне.

*По лесам-оврагам тропами вереска.
Гиблыми местами, в казенных приисках.
Я бродил, бередил ой да душу грешину
Самородками жег,
Янтарем тешил...*

Грунта «Разнотравие»

ЧАСТЬ 1

День выдался погожим, ясным. Солнышко светило по-летнему, хоть и осень уже мазнула лес золотом, разрумянила да обагрила алым. Так что я даже кожух не взяла, только платок накинула, и то больше, чтобы ягод в него собрать, чем для тепла.

Саяна вилась рядом, каркала почем зря. Вот думаю, может, она, зараза, беду и накликала. Разозлюсь как-нибудь да сварю чертовку на обед, хоть и без толку. Ворона старая, ощиплешь — одни кости да кожа пергаментная. Крыло сломано, летать почти не умеет, вот и сидит на моей голове, как на болотной кочке.

Звери не лютовали, отъелись за летние месяцы. К утру лишь пара подранков появилась, но их волки утащили, одни следы и остались. И то лишь мне видные. Я дошла до опушки, туда, где стояла, склонившись, моя березка, убрала ветви любовно. Листочки на ней уже зазолотились, стали похожими на монеты. Я улыбалась, прислушиваясь к току ее соков, к тихому говору, а ведь скоро заснет зимним сном, так и поговорить не с кем будет.

Саяна недовольно каркнула, напоминая о себе.

— С тобой-то какие разговоры? — оборвала я воронье негодование. — Тебе лишь бы падаль посочнее!

Ворона зыркнула желтым глазом, каркнула. Негодует, значит. Обидчивая она к старости стала, ранимая. Тяжело свалилась с моей головы и поскакала неловко, гневно щелкая клювом. Я хмыкнула.

Снова вернулась к березе, провела рукой между веточек. Сухих больше стало, и на них уже напелл паутину мохнатый паук. Я прогонять не стала, дом ведь его... Пусть от сухих ветвей хоть польза будет.

Постояла, вздыхая и разглядывая небесную синь, яркую, какая лишь по осени бывает. И гуси уже в теплые края потянулись, значит, и деньки погожие скоро пройдут. Как ни хорохорится лето, а придется ему потесниться, подвинуться. И снова ждать своего срока...

Я зацепила взглядом гуся, летящего с краю косяка. Тяжело летит, натужно. Не видать ему теплых стран, сил не хватит... Вскинула арбалет в один миг, спустила болт. Тяжелая тушка упала в овражек, а я усмехнулась. Знать, поживет еще Саяна — гуся на обед сварю.

* * *

Варево уже закипало, когда я насторожилась. Да и Тенька зашевелилась, вскинула остроухую морду, зашипела. Я сняла пенку, оставила котелок, задумалась.

— Тише, — успокоила я хлессу, — не шипи. Гость у нас. — Постояла, прислушиваясь и раздумывая, пускать или нет. Можно и занавесить домик, укрыть деревьями, спрятать лесной тенью. Уже сейчас я знала, кто идет ко мне. Служитель пожаловал... Идет по лесной тропке уверенно, хоть и держит в руках все свои знаки охранные. И молитву бормочет. Глупый. К ведьме в логово — и с молитвой.

Но, видимо, синь небесная и лес румяный разнежили меня, или просто соскучилась я в своей норе, но решила: пусть проходит. Посмотрим, что за человек и с чем пожаловал. А то скоро и речь людскую позабуду, так привыкла со зверьем и деревьями общаться.

Гость явился через полчаса. Застыл у порога и снова свои присказки забормотал. Я его не видела, но чуяла. Мужчина. Молодой, не старше меня будет. Пахнет приятно — здоровый, значит, даже зубы все целые, что нынче редкость.

— Ну, входи, чего мнешься, — сказала я, помешивая бульон. Гость, услышав мой голос, замер, видать, думал незаметно подкрасться. А потом распахнул дверь и вошел. И снова застыл, моргая, пытаясь что-то разглядеть в полутьме сторожки после яркого света. А рассмотрев, попятился, руку вскинул, чтобы лоб священным солнцем осенить, да передумал, так и застыл.

— Вот это правильно, — усмехнулась я. — Со своими молитвами в чужую-то обитель... Чего жало-

вал, служитель? Неужто повязать ведьму решил? Один?

Я расхохоталась, а он снова чуть вздрогнул. Но не отвернулся: зубы сжал, глаза прищурил, рассматривает. Я тоже рассмотрела, не стесняясь. Хорош. Очень даже. Девки небось в его обитель толпой прут, на красавца такого посмотреть. Высокий, плечи еле в дверь мою вошли, волосы белые, собраны в низкий хвост. А глаза с синью небес спорят. Одет в черные штаны и рубаху с белым воротничком, сверху — плащ-сутана. Сапоги в пыли, все носы сбиты, видать, издалика идет. И оружие на боку. Рукоять затертая, и сталь кровью не раз напитанная, не игрушка... А вот это уже интересно: служитель, да с клинком.

И силы много. Не той, что в руках, хотя и этим Шайгас не обидел, а той, что внутри живет. Да что говорить, вон как мои тропки распутал, замороженные и заговоренные. Зверь обходит, а тут человек прошел. Такой и повязать может... Только вижу, не за тем пришел.

— Звать как? — прохрипела я.

— Ильмир, — чуть запнувшись, выдавил он.

Я хмыкнула. Надо же, не соврал служитель. Не боялся, что, зная имя, наложу на него чары, заколдую... Хотя что мне имя его, если я душу вижу? И черноты в ней столько, что сама преисподняя позавидует.

— Так чего тебе, Ильмир, служитель божий, в логове ведьмы понадобилось?

Он губы сжал в одну линию, нахмурился. А потом выдал:

— Проводи меня в Омут Шайтаса, ведьма.

Я от такого даже онемела, что со мной сроду не случалось. А потом захрипела, так что Саяна закаркала и на голову мне села, свесив клюв и кося на незнакомца одним глазом. Испугалась, бедная. Служитель от такой картины напрягся, руку в кулак сжал, скользнул пальцами по рукояти клинка. Но тут же убрал. Молодец. Не дурак.

— И что же тебе в Омуте делать, служитель? — отсмеявшись и утерев с лица кровавые слезы, что из глаз выступили, спросила я. — Там твоего бога нет.

— Своего бога я знаю, где искать, — глухо проговорил он. — Только он мне не помощник. А что я в Омуте делать буду, не твое дело, ведьма. Твое — проводить. Дорогу указать. Все вы, темные отродья, путь туда знаете. Без тебя мне Омут не найти.

Мне смеяться перехотелось. Теперь я жаждала этого прихвостня Светлого бога на кусочки разрезать да в овражке закопать. Чтобы лютики по весне желтые взошли, да поярче.

— А зачем же мне делать это, служитель? — с насмешкой спросила я и махнула рукой, подзывая Теньку. Хлесса подошла, ткнулась в руку треугольной башкой, раскрыла пасть, показав гостю все свои клыки, которых у нее было столько, что даже я до сих пор не пересчитала. Мужчина побледнел, но не отошел, даже за клинок хвататься не стал. Хотя и видно, что повело беднягу от ужаса. И то понятно:

хлесса моя размером со здорового волчару вымахала, да и волки рядом с этим зверем безобидными домашними шавками кажутся. Хлессу в лесу и медведь обходит, и птица-клют облетает. А люди боятся пуще огня, потому как огонь — милосерднее.

— Я тебе заплачу, — выдал слугитель, отцепил от пояса кошель, бросил на лавку. Я снова расхохоталась, Саяна закаркала, а Тенька рыкнула. Это у нее отрыжка после свежатинки — наелась перьев гусиных, глупая...

— И на что мне твое золото, — я хлопнула себя по коленке, — может, на платья? Или на украшения потратить? А может, с пчелами за мед расплатиться? Что мне с твоими монетами делать, а, служка божий?

Он, кажется, растерялся. Но смотрит упрямо, исподлобья, лишь чернота в душе клубится. Непроглядная.

— Тогда сама плату назначь, — хмуро предложил он. — Хочешь, могу и душу...

Я помолчала, рассматривая его. И то, что я видела, мне ох как не нравилось. И ведь не уйдет же, разве что и правда — в овражек.

— А что, может, и назначу... плату, — протянула я, вышла в кружок света от окошка, приблизилась. — Зачем мне твоя душа, служка? Никакого прока от нее... А вот тело мужское сгодится...

И облизнулась плотоядно.

Слугитель совсем побелел. Решил, что я его или есть собралась, или в постель потащу. И похоже,

«есть» для него было бы предпочтительнее... Он усталился на меня и явно ведь постарался скрыть охватившее нутро омерзение, а все равно я заметила.

Да и неудивительно. Я-то знала, что именно он видит. Конечно, людская молва преувеличивала, и слизи на лице не было, но и без того картина уродливая и неприглядная. Нос тонкий, длинный, крючком загнутый, кожа зеленою отливает, в струпьях вся. На голове — воронье гнездо из серой пакли, а по бокам два рога торчат. Одета в балахон потрепанный, рванный местами. Сама тощая, как жердь, ни одной выпуклости женской нет. А самое страшное — глаза. Желтые, звериные, с красными прожилками. А от век во все стороны по лицу узоры черные плетутся, метки Шайтаса. Одним словом — ведьма.

— Так что, согласен ублажить меня, служка? — покрасовавшись в луче света, спросила я. — Хорошо так ублажить, по-настоящему. С нежностями и ласками, словами любовными. Как невесту ненаглядную. Готов? Да не раз, а пока мне не надоест. Тогда, может, и проведу тебя в Омут, если удовольствие доставить сможешь.

В синеве его глаз уже плескался откровенный ужас, но смотрел прямо, глаз не отводил. Даже когда я хвост выгатила и вокруг его ладони обвила. А он тонкий, крысиный, безволосый почти. Мне не мешает, а вот люди пугаются так, что вонять начинают. А этот ничего, держится, не дрожит даже.

— А может, я тебя просто словом божьим поражу или клинком, а, ведьма? — прохрипел он, когда я хвостиком вдоль его тела прошлась и облизнулась.

Нет, все-таки дурак. А жаль.

— Ох, смилуйся, — проскулила я, — только не словом! Пощади, служитель!

Он посмотрел на меня с подозрением.

— Только молитвы не читай, загорюсь, как лист сухой, рабой твоей стану! — продолжила измываться я. Саяна закаркала-захохотала, и я зыркнула на нее недовольно. Служитель склонил голову, подумал и хмыкнул. И к моему удивлению, доставать свои молитвенники не стал.

— Согласен, ведьма. Пусть по-твоему будет.

Я даже опешила. Да уж, удивил... Сильно, видать, в Омут хочет, раз на ведьму залезть готов. Я скривилась теперь уже сама.

— Согласен делать все, что пожелаешь, только срок укажи, — продолжил он. — Справлюсь — проводишь к Шайтасу. Договорились?

Я нахмурилась. Да уж, не ожидала я такого расклада. С другой стороны, не отстанет ведь, по глазам вижу. Значит, сделаю так, чтобы сам ушел, не выдержал, сломался... Человек в логове ведьмы долго не продержится, а служитель — подавно. На третьи сутки завоюет, понесется по оврагам, охая от ужаса да молитвы свои твердя. Вот тогда посмеюсь славно. А до того пусть поработает, мне давно пора лачугу подлатать, а желающих помочь что-то не находится. Мишку бурого просила, так он только забор обва-

лил и ушел в свою берлогу, да и что с него взять, с косолапого.

— Идет, служитель. Срока тебе — луна. Делать будешь все, что ни прикажу, слушаться во всем, рабом моим станешь. Ясно тебе?

— Ясно, — кивнул он. — Клятву дай, ведьма. Темную, чтобы лес слышал.

Я помолчала, уже жалея, что согласилась. И откуда этот прихвостень про клятву ведает? Ох, чует душа моя, зря я это затеяла...

Но кивнула.

— Хорошо. Даю тебе клятву, пусть услышит лес души моей. Но если сбежишь раньше срока, сам по своей воле договор расторгнешь, не будет у клятвы силы. И дорогу ко мне навсегда забудешь. И меня. Повтори, служитель Светлого бога Атиса.

Мои волосы взлетели, закружили вокруг головы змеями, зажглись огнем тьмы желтые глаза, засияли, как огни на болоте. Только и сейчас служитель не испугался, кивнул, положил ладонь на сердце, соединил силу души и тела. И откуда знает только? И клятву повторил. Лес потемнел на миг, нахмурился тучами, так что стало в сторожке темно, как в полночь, а потом снова полился в окошко дневной свет. Но клятву лес души моей услышал... И принял.

И почудилось, что все же зря я это затеяла...

— Только уговор, — хмуро буркнула я. — На полной луне уйдешь из леса. Ближе не подойдешь до самой зари, понял?

— Понял, — спокойно сказал он. — А почему?